

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КРИСТИНА СЪ КНЯЖНОЮ ТУРКЕСТАНОВОЙ.

1813.

Французскіе подлинники этой переписки (безъ перевода и примѣчаній), продолжавшейся сряду шесть лѣтъ, между умудреннымъ жизнію Швейцарцемъ и красавицею-фрейлиною, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882—1883 гг. Тамъ же появилась (тоже по-французски) прекрасная біографія Кристина, составленная барономъ Будбергомъ (бывшимъ нашимъ посломъ въ Парижѣ). Но о жизни княжны Варвары Ильинишны знаямъ очень немного. Она принадлежала къ высшему обществу. Мать ея, рожд. Еропкина, была родная племянница Сергѣя Васильевича Салтыкова, столь извѣстнаго при дворѣ Елисаветы Петровны до 1755 г. Княжна рано лишилась отца, а по кончинѣ матери (1808) стала жить у родственниковъ своихъ князей Голицыныхъ въ Москвѣ, на Малой Никитской. Послѣ Московскаго разоренія въ 1812 году Императоръ Александръ Павловичъ взялъ ее во фрейльны, конечно зная про ея родство съ Салтыковыми. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, но красота ея не увядала, а прекрасный нравъ и большая начитанность были привлекательны. П. Б.

Московскія записочки за Мартъ, Апрѣль, Май и Іюнь.

1.

Вчера я обѣдала у Растопчиной и вашъ пакетъ получила только по возвращеніи отъ нея довольно поздно. Благодарю васъ, что помните обо мнѣ. Третьяго дня я получила отъ жены князя Бориса *) письмо, почти одинаковаго содержанія съ письмомъ г-жи де-Ноазевиль (относительно политическихъ новостей, конечно). Въ домѣ, гдѣ я вчера была, кажется сомнѣваются въ томъ, чтобъ Австрія была за насъ; мнѣ даже по этому поводу поразсказали многое, но событія покажутъ, какъ судить. Прощайте, милостивый государь; комплиментъ вашъ берите обратно, такъ какъ я не говѣла за весь постъ. Надѣюсь, что вы скоро доставите мнѣ удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ.

*) Это князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, отецъ Татьяны Борисовны Подемкиной. П. Б.

2.

Брошюрку получила и благодарю васъ за нее. Не могу понять, что могъ натворить бѣдный Коппъ, такъ неожиданно сосланный въ Сибирь безъ всякаго суда. Поговорите непременно объ немъ съ графомъ Растопчинымъ, не опуская ни одной подробности. Я нахожу, что вы поступили, какъ христiанинъ, согласившись взять отъ него оставленное имъ вамъ на храненіе, и вашъ долгъ оправдать довѣріе, оказанное вамъ человѣкомъ, во время постигшаго его несчастія; что ни случилось бы, не слѣдуетъ его выдавать. Впрочемъ, вы будете сегодня ужинать у Растопчина и должны съ нимъ поговорить: это необходимо. Въ нашемъ молчаніи вы можете быть увѣрены.

3.

Посылаю вамъ деньги княгини Анны Александровны Голицинои; потрудитесь запечатать сами и передать ихъ Маркову, предупрежденному уже мною о нихъ. Вы уже вчера узнали правду на счетъ новости, о которой я вамъ говорила. Событіе очень прискорбное, и несмотря на то, что оно дошло до насъ черезъ побѣду Витгенштейна, его вліяніе скажется во многомъ. Но что за человѣкъ Бонапартъ, какая смѣлость, какіе всегда замыслы! Злодѣй онъ ужасный, но вмѣстѣ съ этимъ... Не вздумайте, однако, донести на меня полиціи. Прощайте, приходите потолковать. Толстой я не писала; мнѣ частенько это надѣдается, и я дѣлаюсь страшно лѣнлива.

4.

Только что получила письмо отъ княгини Анны Александровны Голицинои, съ новостями, болѣе чѣмъ радужными. Очень бы хотѣлось, чтобъ ваши проклятые купцы заговорили въ духъ нашей доброй княгини; перестали бы они тогда портить кровь слушающимъ. А дѣйствительно, союзъ Австріи объявленъ уже намъ торжественно, какъ вы это увидите; и если искренно протянуть другъ другу руки, то было бы право странно, чтобъ союзъ ея отошелъ отъ насъ. Пожалуйста, подѣлитесь со мною извѣстіями о графѣ Марковѣ, если уже получили ихъ; онъ долженъ былъ пріѣхать 15-го; а можетъ нѣтъ... я что-то спутала числа и не знаю уже, въ какой день онъ уѣхалъ. Прощайте, и не оставляйте меня прозябать въ немилости. Кажется, алармисты еще въ дорогѣ.

5.

Вотъ мое письмо къ графинѣ Толстой *); будьте добры переслать его; я забыла сказать ей о назначеніи генерала Бенингсена команду-

*) Графини Марьи Алексѣевны. У нея сестры Софья за графомъ Сень-При и Елизавета за графомъ Остерманомъ-Толстымъ.

щимъ резервами и всѣми ополченіями; сообщите ей это и добавьте, что Нижегородское ополченіе, которое набиралъ въ 1812 году графъ П. А. Толстой специально входитъ въ его вѣдѣніе. Графъ Растопчинъ говоритъ, что у него полученъ указъ объ этомъ. Я вчера у него обѣдала и не слышала ни единого противъ васъ слова; не думайте, что я хочу что-нибудь скрыть отъ васъ; завѣряю васъ,—ни единого. Мнѣ кажется, впрочемъ, что при мнѣ воздержались бы, такъ какъ у губернатора знаютъ, что я съ вами часто вижу и всегда съ удовольствіемъ. Вѣрьте мнѣ, оставьте говорить, что хотятъ, и считайте все пустыми толками. Въ наши годы, если наша совѣсть за насъ, на всѣ несправедливости нечего и обращать вниманія. Нѣтъ, я не вѣрю ни въ смерть Наполеона, ни въ болѣзни, которыя ему приписываются; я увѣрена, что онъ себя чувствуетъ отлично и весь въ злокозненныхъ планахъ, которымъ Провидѣніе не дастъ, надѣюсь, осуществиться. Приходите ко мнѣ, и я вамъ тогда скажу, какую комнату я занимала въ Архангельскомъ подь Москвою у Юсуповыхъ.

6.

Чрезвычайно довольна, что дѣла Толстого такъ устраиваются и благодарю васъ за письмо Жиле. Въ свою очередь, честь имѣю изложить вамъ все полученное мною съ вчерашней Петербургской почтой. Во-первыхъ, письмо, конецъ котораго вы забудете тотчасъ по его прочтеніи; затѣмъ, бюллетень,—какъ говорятъ уже напечатанный сегодня утромъ,—и выдержку изъ письма Ожаровскаго. У меня голова кружится отъ множества курьеровъ, видѣнныхъ первымъ и принятыхъ вторымъ. Не забудьте, что Пушкинъ *) говоритъ, будто онъ видѣлъ курьера отъ 8-го числа, тогда какъ самъ выѣхалъ изъ Петербурга 17-го, а означенный курьеръ прибылъ туда только 19-го, какъ вы это увидите изъ письма княгини А. А. Голицыной; потомъ, какъ могло это быть, чтобъ курьеръ этотъ, пріѣхавшій къ графу Растопчину третьяго дня и оставившій главную квартиру 13-го, ничего не сообщилъ о дѣлѣ Баркляя? Какъ Балашевъ, писавшій графу съ этимъ же курьеромъ отъ 13-го, не упомянулъ объ этомъ вице-королѣ? Пашкова, которую я обвиняла во лжи, оказалась, однако, правою относительно кончины князя Кутузова, и, можетъ, ея извѣстія изъ Дерпта окажутся настоящими. Однимъ словомъ, я совѣмъ не могу разобраться во всѣхъ нелѣпницахъ, которыя несутъ; понимаю только, что Австрійцы остаются такими же, какими привыкли быть: называйте

*) Графъ Мусиятъ-Пушкинъ, котораго сынъ убитъ подь Лейпцигомъ.

ихъ, какъ вамъ угодно! Поняли ли вы хитрости княгини А. А. Голицыной? Мнѣ такъ и хочется разъяснить вамъ ея слова.

7.

Большое спасибо за ваши письма, а вы, въ свою очередь, прочтете мое письмо. Я обѣдаю сегодня у Ростопчина въ большомъ обществѣ. Князь Куракинъ, какъ мнѣ кажется, очень доволенъ перемиремъ и прямо говоритъ, что надѣется, что за нимъ послѣдуетъ миръ. Я не понимаю, какъ можно ему радоваться, какъ бы миръ ни былъ выгоденъ въ настоящее время, если помнить, что его заключаютъ съ Бонапартомъ! Господи, какъ много дураковъ на свѣтѣ! Мы получили отъ сестеръ письмо изъ Нейса, что около Ольмюнца.

8.

Я отлично разбираю почеркъ графини Толстой, о чемъ вы могли бы судить, если бъ мы прочитали ея письмо вмѣстѣ. Что касается до моего портрета, не забывайте, что онъ сдѣланъ личностью, очень меня любящей, такъ что очень естественно, что, по своему пристрастію, она польстила мнѣ въ немъ. Впрочемъ (всякое униженіе въ сторону, мнѣ дѣйствительно кажется, что я только выигрываю въ глазахъ тѣхъ, которые узнаютъ меня короче, такъ какъ Господь надѣлилъ меня, по Своей милости, способностью сдѣлать сразу мое общество пріятнымъ. Но въ этомъ, увѣряю васъ, нѣтъ никакой моей заслуги, а все дано мнѣ свыше. Прощайте, перехожу къ чтенію прозы, адресованной мнѣ графиней Толстой.

9.

Итакъ, будемте молиться объ успѣшной войнѣ, если она есть въ дѣйствительности. Моя голова, хотя и моложе головы господина Маркова, но такъ же находить, какъ и онъ, что это самое лучшее изъ того, что могло быть. Княгиня А. А. Голицына мнѣ не писала, такъ же какъ вамъ г-жа Ноазевиль, изъ чего я склонна думать, что онъ уже, въ Муринѣ. Колики мои уменьшились; я ѣла только бульонъ съ рисомъ, проспала часокъ, что меня освѣжило, и надѣюсь, что завтра все забудется. Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе о желудкѣ, что въ немъ корень всѣхъ недуговъ; поэтому я такъ и оберегаю его и прямо удивляюсь, откуда взялись мои колики. Вы увидите, что меня хотѣлъ отравить губернаторъ Ростопчинъ за мою любовь къ людямъ страшно опаснымъ; но какъ онъ ни гнѣвайся, я не перемѣнюсь уже.

Доброй ночи! Вамъ бы слѣдовало пожаловать сюда къ обѣду, если не завтра, то хоть въ Пятницу.

10.

Я только что вернулась домой, пробывши почти весь вечер съ Ростопчиной въ деревнѣ. Письмо ваше поэтому прочла только сейчас, т.-е. въ 11 ч. Благодарю васъ за него, но я бы предпочла прочесть его утромъ, такъ какъ мнѣ угрожаютъ дурные сны. Впрочемъ, можно бы перекреститься, ограничиться дѣло дурными снами, но я боюсь дѣйствительности, чувствуя, какъ сожженные и ограбленные жертвы! Нужно положиться на Господа, вотъ и все. Выражаю вамъ мои чувства сожалѣнія по случаю прибытія семьи Потоцкихъ, какъ дѣлаю это и относительно самой себя, такъ какъ изъ-за этого возвращенія, я впадаю снова въ немилость. Вы имъ предложите каши и вафель, я буду ѣсть стерлядь, а васъ не увижу больше! Прощайте.

11.

29 Іюня 1813 г.

Я была у обѣдни, когда принесли вашу записочку; кромѣ того, что мнѣ писалъ третьяго дня вечеромъ Булгаковъ, я ничего не знаю, т.-е., что сражались 10-го и 11-го, что Австрійцы дѣлали страшное избіеніе на лѣвомъ флангѣ, что Барклай атаковалъ лѣвое крыло, а Витгенштейнъ центръ. Больше ничего. Я видѣла Ростопчина; онъ очень печалень; думаю, что тревожится за сына. Павелъ Ивановичъ благодарить васъ за подарокъ, а m-elle Бридель за это любезное вниманіе. Онъ такъ доволенъ полученнымъ сегодня подаркомъ, что, если есть счастье, которому можно позавидовать, то это его сегодняшнему. Прощайте. Приходите же поскорѣ повидать меня.

12.

Были ли у васъ вчера какія-нибудь извѣстія? Вамъ слѣдовало бы сообщить ихъ мнѣ, но лично. Я только получила письмо отъ княгини А. А. Голициной, въ которомъ нѣтъ ничего, но оно грустное, слѣдовательно и въ Петербургѣ нѣтъ чему бы радоваться. Надъ нами окончательно насмѣялись относительно больного въ Дрезденѣ; теперь увѣряютъ, что это было тѣло Дюрока! Собираюсь выѣхать въ Четвергъ, а сегодня напишу графинѣ Толстой; если вы зайдете ко мнѣ, я вамъ передамъ это письмо.

13.

Вы ошибаетесь: я прочла статьи, о которыхъ рѣчь, и пожалѣла, что васъ не было, чтобы прочитать ихъ вмѣстѣ. Все это чудесно, и

газета эта дѣйствительно драгоценная. Арсеньевъ будетъ вамъ пересылать ее постоянно. Думаю выѣхать завтра вечеромъ. Впрочемъ, поджидаю почту; что касается коляски, то она у меня и именно та, хорошая. Очень мнѣ неприятно знать, что вамъ нездоровится, это дѣло дряннѣе. Я же, послѣ бывшихъ коликъ, ничего не чувствую. Доброй ночи!

*

Я собиралась передъ отъѣздомъ написать вамъ записочку, но признаюсь, я такъ была взволнована весь день, такъ было тяжело на сердцѣ отъ сожалѣнія разстаться съ бѣдной тетей, что я не была въ состояніи связать двухъ словъ. Я поручу m-elle Бридель передать вамъ отъ меня тысячу привѣтствій.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 10 Юля 1813 г.

Берусь за перо, чтобы увѣрить васъ, милостивый государь, что ваше пребываніе въ Москвѣ служило одной изъ причинъ моего сожалѣнія покидать ее. Я очень благодарна г-жѣ Ноазевиль ¹⁾, что она доставила мнѣ знакомство съ вами; конечно, это одно изъ тѣхъ, которое я охотно буду продолжать, гдѣ бы я ни была, и мнѣ пріятно думать, что разстояніе, отдѣляющее насъ, не помѣшаетъ вамъ думать иногда обо мнѣ и извѣщать меня о себѣ, что мнѣ всегда доставитъ очень большое удовольствіе.

Я ѣхала настоящимъ курьеромъ день и ночь. Всѣ жаловались и до сихъ поръ жалуются на дороги; я же не нашла, чтобы онѣ были такъ дурны, и потомъ, развѣ у насъ шоссе, чтобы роптать? По моему эта дорога отъ Москвы до Петербурга еще самая сносная, по крайней мѣрѣ есть гдѣ остановиться. Городъ пусть, а мое помѣщеніе произвело на меня впечатлѣніе тюрьмы: при входѣ въ него я не встрѣтила ни одной собаки. Я съ трудомъ взобралась на мои 119 ступенекъ и, войдя къ себѣ въ комнату, не испытала и половины удовольствія, какъ прежде, когда сюда пріѣзжала (не говорите этого у моей тетушки). Я не буду жить въ этомъ одиночествѣ и черезъ 4 или 5 дней переѣду на Каменный Островъ, къ княгинѣ Юсуповой, которую вы, можетъ, не знаете: очень достойная особа, дружески расположен-

¹⁾ Это была наставница въ домѣ князя Бориса Андреевича Голицина. Позднѣе она жила у его дочери Полторацкой въ Ярославлѣ. Тамъ съ нею познакомился и почтительно потомъ мнѣ отзывался о ней Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ.

ная ко мнѣ. Княгиня Борисъ ¹⁾ посѣтила меня на другой же день моего приѣзда. Она одна въ городѣ; дочери ея уже въ Муринѣ; вчера я въ свою очередь провела у нея день; сегодня вечеромъ увижу графиню Строганову.

Здѣсь довольно мало знаютъ объ арміи. Берлинская газета говоритъ о продолженіи перемирія до Сентября, это какъ бы предположеніе, которое бросаютъ публикѣ, чтобы ея подготовить. Мы съ вами, кажется, уже были подготовлены, какъ только прочли извѣстныя статьи. Съ другой стороны, г-жа Литта пишетъ изъ Царскаго Села своей сестрѣ княгинѣ Юсуповой, что получено извѣстіе о тройственномъ союзѣ Австріи, Пруссіи и Россіи для наступательной и оборонительной войны. Г-да Балашовъ, Бубна и Штейнъ подписались за эти три двора. Вы умнѣе меня: можете вы угадаете, куда это насъ поведетъ. Милая княгиня Борисъ, любящая пофантазировать, занимается вычисленіемъ нашихъ силъ, а я на все это затыкаю уши. Когда я припоминаю, что въ прошломъ году не было ни одного игральнаго стола, на которомъ бы не дѣлалось вычисленія нашихъ войскъ, количество котораго, говорятъ, доходило до 600000 человекъ, и что все-таки на насъ всегда нападало войско еще бѣльшее, то думаю, что или у насъ никогда не было столько людей, или у Французовъ были миллионы солдатъ. Изъ этого вы можете видѣть, какъ мало меня успокаиваетъ ариеметика княгини Голицинной.

Сегодня я пококетничаю съ Марковымъ ²⁾, отошлю ему его книги: хочу ему написать, чтобы спросить объ его здоровьи.

Крестинъ.

Москва, 21 Іюля 1813 г.

Какъ вы любезны и внимательны, княжна, что извѣстили меня о Вашемъ благополучномъ приѣздѣ. Я былъ чрезвычайно огорченъ

¹⁾ Французскій обычай называть женщину именемъ ея супруга: свидѣтельство того безправія, которое до нашихъ дней испытывала замужняя Француженка. Отсюда женскій вопросъ, бывшій ни къ селу, ни къ городу, у насъ въ ходу, благодаря, между прочимъ, писаніямъ графини Сальясъ-де-Турнемиръ. Княгиня Борисъ, Анна Александровна, сестра князя Егора Александровича (roi de Volga) Грузинскаго, красавица, какъ и княжна Туркестанова.

²⁾ Съ графомъ Аркадіемъ Ивановичемъ Марковымъ (написанную нами его біографію см. въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 года) Крестинъ сблизился, находясь при немъ въ Парижѣ, когда тотъ былъ представителемъ Россіи при первомъ консулѣ, которымъ и былъ преслѣдуемъ. Въ Москвѣ Крестинъ жилъ въ домѣ графа Маркова, на углу Газетнаго переулка и Большой Никитской (вынѣ застроенъ съ улицы и принадлежитъ г-жѣ Селезневой).

въ день вашего отъѣзда тѣмъ, что не могъ прійти проститься съ вами. Грусть моя усилилась, когда я узналъ, что моя прощальная записка пришла слишкомъ поздно; я проклиналъ Польшу и Поляковъ, вредящихъ вездѣ, всѣмъ вообще и по отдѣльности: въ поѣздкахъ, которыя мнѣ пришлось дѣлать ради г-жи Потоцкой, я думалъ о вашемъ путешествіи и мысленно посылалъ вамъ тысячу пожеланій, хотя и неопредѣленныхъ, не зная навѣрное, на что ихъ направить, тѣмъ не менѣе живыхъ, горячихъ и искреннихъ. Судите по этому, какъ я польщенъ извѣстіемъ, что я отчасти былъ предметомъ вашихъ воспоминаній и что вы позволите мнѣ изрѣдка выражать вамъ грусть, возникающую по вашему отъѣздѣ у всѣхъ, кто имѣлъ преимущество узнать васъ и оцѣнить. Познакомиться съ вами можно просто по счастливой случайности; но вѣрно судить про васъ можетъ только человѣкъ со свѣтлымъ умомъ и вѣрнымъ и деликатнымъ чувствомъ. Вы видите, что при случаѣ я умѣю дѣлать себѣ комплименты. Не считайте меня поэтому самонадѣяннымъ и тщеславнымъ; чувство правды на этотъ разъ пересиливаетъ врожденную мнѣ скромность. Мамзель Bridal рассказывала мнѣ, какъ вы носъ съ носомъ встрѣтились съ Рибопьеромъ и не замѣтили его; вотъ что значить день и ночь скакать какъ курьеръ, вмѣсто того, чтобы ѣхать какъ подобаетъ фрейлинѣ. Я вполне понимаю, что ваши 119 ступенекъ и обширный пустой домъ возбудили въ васъ желаніе скорѣе уѣхать на Каменный Островъ или въ Мурино; одна-одинехонька въ огромныхъ покояхъ вы бы имѣли видъ заблудившейся голубки, и я поздравляю княгиню Голицину и Юсупову, что обстоятельства и время года привели васъ къ нимъ на нѣкоторое время. Я имѣлъ честь только разъ или два видѣть княгиню Голицину и говорить съ нею, но я отлично знаю ея достоинства: г-жа Ноазевиль уже давно говоритъ мнѣ о ней при всякомъ удобномъ случаѣ, а она, безъ сомнѣнія, прекрасный судья.

Не знаю что и думать о перемиріи и о томъ, что говорить по этому поводу Берлинская газета. Если, какъ всѣ думаютъ, союзъ съ Австріей крѣпокъ, не знаю, чего ждуть, чтобы возобновить военныя дѣйствія разомъ и произвести сильный ударъ какъ отголосокъ побѣды Веллингтона. Эта побѣда должна стѣснять Наполеона, если онъ еще живъ, или смущать его представителя, спрятаннаго подъ огромной шляпой, которою насъ занимаетъ и манитъ „Инвалидъ“. Такое глубокое молчанье изъ главной квартиры не можетъ долго продолжаться, скоро мы должны получить какое-нибудь объясненіе. Я его жду съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ когда-либо; но, слава Богу, съ меньшимъ безпокойствомъ, потому что союзъ съ Австріей и побѣда въ

Испаніи поневолю возрождаютъ надежду въ моемъ сердцѣ. Я не вѣрю въ 600000 союзную армію, и съ 400000, которую приписываютъ не-пріятелю, я также очень сбавляю. Очень боюсь его способности выступить массою и нашей привычки растягивать силы по линіи на слишкомъ далекое пространство. Искусные люди увѣряютъ, что эта давняя привычка Австрійцевъ и Русскихъ была причиной небывалыхъ успѣховъ непріятеля за послѣднія 20 лѣтъ. Если бы передъ Люценомъ мы собрали всѣ свои силы, Саксонія была бы еще наша. Правда, что Гамбургъ не былъ бы внезапно освобожденъ, но тогда бы не только Ганзейскіе города, но и вся Германія была бы избавлена отъ послѣдствій войны. Впрочемъ, я разсуждаю обо всемъ этомъ, не зная ничего, со словъ другихъ; но все, въ чемъ меня увѣряли по этому поводу, согласуется со здравымъ смысломъ, которымъ я руководствуюсь, насколько могу, тамъ, гдѣ мнѣ недостаетъ свѣдѣній.

Мнѣ не терпится узнать про успѣхъ вашего кокетства въ отношеніи къ Маркову; онъ очень любезенъ, несмотря на свои 67 лѣтъ, и я надѣюсь, что вопреки преклоннымъ лѣтамъ, онъ любезно отвѣчалъ на вашъ такой нѣжный и милый первый шагъ. Я убѣжденъ, что его умъ и глубокое знаніе въ политикѣ не помогутъ ему узнать причину такой предупредительности, и я готовъ держать пари, что онъ скорѣе припишетъ ее своимъ прекраснымъ, хотя и больнымъ, глазамъ, чѣмъ...

Я бы желалъ, чтобы вы были для него его библіотекой и чтобы его дочь имѣла такого друга какъ, вы, княжна. Меня очень занимаетъ судьба этой молодой дѣвушки; если она до замужества будетъ имѣть несчастье потерять своего отца, она будетъ подвержена разнаго рода опасностямъ и огорченіямъ. Тогда-то она будетъ нуждаться въ покровителяхъ противъ враговъ, завидующихъ ея богатству, и въ вѣрныхъ друзьяхъ, чтобы направлять ее неопытную.

Написавъ это, я получилъ отъ Маркова записку въ четыре строчки, гдѣ онъ извѣщаетъ, что лихорадка возобновилась у него въ 3-й разъ и прибавляетъ: „по своемъ пріѣздѣ княжна Туркестанова написала мнѣ очень любезную записку, я ей отвѣтилъ, но лихорадка не дала мнѣ ее увидѣть“. Вотъ дурацкая-то болѣзнь! затягивается совсѣмъ не кстатіи. Немного дальше онъ прибавляетъ: „теперь еще сильнѣе надѣются, что Австрійцы будутъ скорѣе за насъ, чѣмъ противъ насъ“. Все-таки эта надежда—не подписанный трактатъ.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 26 Юля 1813.

Я поселилась на Каменномъ Острову въ очень хорошенькой дачѣ у особы, дружески расположенной ко мнѣ, образъ жизни прекрасно подходитъ къ моему обычному расположенію духа, уже давно не очень веселому, которое я во все мое пребываніе въ Москвѣ почти постоянно должна была скрывать, чтобы не возбуждать разныхъ мыслей у лицъ, окружающихъ меня, мнѣ же надлежало развлекать ихъ своимъ присутствіемъ. Здѣсь этого нѣтъ, и я гораздо менѣе стѣснена. Княжна Юсупова никого не видитъ, кромѣ княгини Борисъ Голициною, къ тому же съ нею очень легко жить, и она мнѣ даетъ полную свободу во времени и въ дѣйствіяхъ. Я этимъ пользуюсь и часто одна ухожу гулять, или остаюсь у себя въ комнатѣ по 3 по 4 часа, и ни одна собака не вбѣгаетъ ко мнѣ. Я читаю книги очень сухія, такъ какъ только такія мнѣ нравятся. Я получила много приглашеній; г-жа Гурьева *), живущая напротивъ насъ, очень звала меня проводить вечера у нея; княгиня Долгорукая также. Я постаралась имъ наговорить о своемъ дурномъ расположеніи духа, чтобы онѣ меня оставляли въ покоѣ; однако пойду къ Гурьевой для прекрасныхъ глазъ (были ли они когда-нибудь таковыми) г-на Маркова. Я уже вамъ говорила, что пококетничала съ нимъ и написала ему, чтобы узнать о здоровьѣ; онъ не остался въ долгу и отвѣтилъ мнѣ премилой запиской; жалуется, что все боленъ, но я слышу, что онъ дѣлаетъ глупости какъ молоденькій, онъ выходитъ, когда долженъ спокойно сидѣть у себя, и потомъ ѣстъ клубнику и фрукты, которые ему запрещены, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ рассказывала г-жа Гурьева. Кстати, мнѣ невозможно къ нему поѣхать, такъ какъ княгиня Голицина у него совсѣмъ не бываетъ; значить, все зависитъ отъ встрѣчи.

Если вы хотите новостей, то я вамъ укажу на „Сына Отечества“, „Инвалида“ и газету Козодавлева; кромѣ этого почти ничего нѣтъ. Пріѣхалъ курьеръ отъ 12-го, который ничего не привезъ; дѣлаютъ видъ, что переговариваются о мирѣ; перемиріе продлится до 10 Августа новаго стиля.

Крестинъ.

Москва, 4 Августа 1813.

Я очень радъ, что вы бываете у г-жи Гурьевой, потому что очень желаю, чтобы ея сынъ женился на молодой Марковой, а вы.

*) Супруга министра финансовъ.

конечно, не будете противъ этого. Сознаюсь вамъ, что зачастую мнѣ было пренепріятно, когда графиня Толстая высказывала при этомъ молодымъ человѣкомъ, какъ ужасны для нея подобнаго рода супружества. Она не намекала ни на что, но эти общія слова уничтожать первыя слабыя желанія, потому что она даже говорила, что для нея лучше бы было видѣть сына мертвымъ, нежели женатымъ такимъ образомъ. Это материнское преувеличеніе, которое, во всякомъ случаѣ, не нужно высказывать. Впрочемъ, графъ Марковъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ мнѣніи; я тщательно отъ него это скрывалъ, потому что онъ уважаетъ графиню Толстую (чего она и заслуживаетъ по своимъ высокимъ качествамъ) и больше всего желаетъ сдѣлать ее покровительницей своего дитяти. Поэтому я бы его слишкомъ и понапрасну огорчилъ, рассказавъ объ этой отрыжкѣ Голицинской гордыни. Называю это заблужденіемъ, такъ какъ все-таки неправильность рожденія была исправлена, насколько это могло быть сдѣлано закономъ, и потому эта молодая дѣвушка можетъ обладать положительными качествами, уничтожающими прошлое, что въ связи съ богатствомъ можетъ составить счастье честнаго человѣка, каковъ молодой Гурьевъ. Согласны ли вы со мной? Развѣ неправильность, покрытая закономъ и образованіемъ, должна исключать изъ общества молодую дѣвушку, прекрасную и завлекательную во всѣхъ отношеніяхъ? Развѣ мы не видѣли, какъ князь Г-нъ женился на Vabet, особѣ безъ имени, незаконной дочери графа Сергѣя Румянцева? Вы, съ вашимъ здравымъ смысломъ и вѣрными сужденіями, воспользуйтесь случаемъ, когда нужно замолвить словечко, чтобы усмирить умы и уничтожить то, что ревностныя матери стараются произвести, съ цѣлью устранить соперницу ихъ дочерей (все это между нами). Если бы какъ я, вы знали, какъ велика отеческая нѣжность въ сердцѣ графа Маркова, вы бы раздѣлили со мной чрезвычайное желаніе способствовать такому естественному и своемѣстному желанію.

Письмо графа Маркова отъ 28 Іюля заставляеть меня думать, что положительно все приготовилось къ войнѣ. Такъ хочетъ Богъ! Наполеонъ, говорятъ, бьетъ посуду Мачсолини, когда получаетъ извѣстія изъ Испаніи. Кто-то прочелъ въ „Лондонскомъ Курьерѣ“ (котораго я послѣ васъ не видѣлъ), что Іосифъ, чтобы спасти себѣ жизнь, долженъ былъ выскочить изъ своей кареты съ драгоценностями и бумагами и бѣжать на одной изъ лошадей своей гвардіи. Читали ли вы это? Получается ли въ Петербургѣ этотъ „Лондонскій Курьеръ“? Не можете ли вы его стащить для меня? Съ газетами это можно: онѣ, по своей природѣ, суть публичное достояніе. Я ихъ уподобляю общимъ

пастбищамъ для нашего вьючнаго скота, и когда меня ихъ лишаютъ, я нахожусь въ такомъ же положеніи, какъ лошади, которыхъ безжалостно треножатъ и пускаютъ по бесплодной дорогѣ, гдѣ они проклинаютъ путы, мѣшающія имъ перескочить оврагъ и свободно пастись на лугу.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 31 Іюля 1813.

Я очень грущу по Москвѣ. Думаю, что я слишкомъ поторопилась уѣхать отсюда. Она развила во мнѣ особенное состояніе ума и сердца, не дѣлающее меня очень пріятною для общества; потому-то я только одинъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь на Каменномъ Острову, т. е. въ большомъ свѣтѣ, рѣшилась провести вечеръ у г-жи Гурьевой; тамъ тѣ же лица, тѣ же разговоры, и все довольно скучно. Я бы желала, чтобы тамъ менѣе старались быть любезными и были бы менѣе веселы. Если это вамъ кажется страннымъ, простите мнѣ; но я васъ увѣряю, что внутренняя моя жизнь совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому, что я нашла въ обществѣ. Общество княгини Владимиръ*), живущей у своей дочери Строгановой, болѣе подходит къ моему настроенію.

Новостью дня, привлекающею всеобщее вниманіе, служить теперь пріѣздъ Моро въ главный штабъ на главную военную квартиру, отчего не будетъ ни холодно, ни жарко; я не считаю это важнымъ: мнѣ кажется, что это просто маленькая интрижка Шведскаго наслѣднаго принца или, какъ увѣряетъ г-жа Ноазевиль, что г-жа Моро соскучилась въ Америкѣ. Мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ могъ получить командованіе: довольно съ насъ и Бернадотта, командующаго Русскими, нечего еще другому мѣшаться. Эмигранты, питающіеся надеждами въ продолженіе 23 лѣтъ, увѣряли меня вчера, что появленіе Моро произведетъ очень сильное дѣйствіе на Французскую армію, что многіе дезертируютъ и т. д. и т. д. Я взяла на себя смѣлость замѣтить имъ, что врядъ ли есть еще солдаты въ этой арміи, знающіе фамилію Моро и что разстрѣливаніе, которое въ настоящее время въ ходу у Наполеона, сильное средство противъ бѣгства. Впрочемъ, заниматься споромъ съ этими господами—все равно, что метать бисеръ передъ свиньями. Говорятъ, что перемиріе кончилось, и Австрія за насъ; но еще нѣтъ ничего официального. Впрочемъ, черезъ недѣлю будетъ яснѣе видно; я лично дрожу при мысли о всѣхъ опасностяхъ, которыя намъ еще могутъ предстоять. У Наполеона 350 тыс. противъ

*) Княжна Наталья Петровна Голицына, усатая (monstuche).

насъ, и было бы больше, если бы онъ не переправилъ цѣлый отрядъ черезъ Рейнъ занять южныя провинціи, которымъ серьезно угрожаютъ Англичане и Испанцы. Это можетъ послужить для насъ счастливымъ началомъ. Однимъ словомъ, нельзя не сознаться, что у насъ въ перспективѣ борьба на жизнь и на смерть.

Мнѣ удалось видѣть г-фа Маркова въ каретѣ: на дняхъ мы встрѣтились, узнали другъ друга и разъѣхались. Я была для него въ городѣ два дня подъ-рядъ; онъ обѣщалъ княгинѣ Голицыной быть у нея вечеромъ, и не былъ. Дамъ 14 оспариваютъ у меня его сердце, и я увѣрена, что должна больше бояться этихъ соперницъ, чѣмъ когда-либо прелестей г-жи Гюсъ. Жившая у г-фа Маркова французская актриса, произведшая для него дочь (впослѣдствіи княгиней Голицыной): такъ какъ онъ съ утра до вечера играетъ у Попова и нѣкоей Карадыгиной, пріятельницы сего послѣдняго. Лихорадка у него прошла, я это знаю отъ г-жи Гурьевой; а такъ какъ вы любите молодую Маркову, то я вамъ скажу, что она ей очень понравилась. Она ее находитъ красивой и милой, но судя по тому, какъ она выразилась объ ея матери, мнѣ кажется, что они не разъ подумаютъ, прежде чѣмъ рѣшатся на подобное супружество. Если бы эта женщина заботилась о счастіи своей дочери, она бы поспѣшила ее оставить. Эта жертва была бы достойна передъ Богомъ и людьми; но я думаю, она не способна на подобный поступокъ, и такъ-то она отравляетъ жизнь своего дитяти! О чемъ думаетъ аббатъ Макаръ? Онъ долженъ бы былъ ее убѣдить въ этомъ.

Кристинъ.

Москва, 11 Августа 1813.

Я не думаю, чтобы пріѣздъ Моро былъ намъ совсѣмъ безразличенъ; Французская армія, не зная его, любитъ его по воспоминанію, какъ начальника, который любилъ и жалѣлъ солдатъ; офицеры и генералы его знаютъ, и на нихъ можетъ подѣйствовать его примѣръ. Зачастую людей удерживаетъ мнѣніе другихъ; самыхъ недовольныхъ удерживаетъ то, что перебѣжка считается позорною, но если они вслѣдствіе этого соединятся съ Моро, съ начальникомъ, котораго армія больше всего любила, то будутъ считать себя въ правѣ на то, что безъ этого примѣра считалось бы невозможнымъ. Къ этому я могу прибавить, что совѣты такого знающаго свое дѣло человѣка могутъ быть полезны, если только ихъ не заглушить или не разрушить національное самолюбіе.

Ради Бога сообщите мнѣ что-нибудь объ Австріи. Могу ли я въ своемъ сердцѣ совершить союзъ съ Францомъ II, или я долженъ его ненавидѣть? Какую прекрасную роль онъ могъ бы играть! Неужели онъ этимъ не воспользуется!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 8 Августа 1813.

Наконецъ я увидѣлась съ графомъ Марковымъ. Мы провели съ нимъ вечеръ у г-жи Гурьевой, и онъ былъ со мной очень любезенъ. Мнѣ даже кажется, что благодаря ему меня особенно чествовали въ этомъ домѣ. Вы знаете, есть люди, которые всегда соображаются съ мнѣніемъ другихъ; здѣсь это нѣсколько водится. Впрочемъ, мнѣ совершенно все равно: если меня всегда такъ хорошо будутъ принимать, я чаще буду бывать въ этомъ домѣ и отъ времени до времени буду доставлять себѣ удовольствіе поговорить съ вашимъ старикомъ, который, несмотря на свои 67 лѣтъ, издерживается, когда ему придетъ фантазія. Я въ самомъ дѣлѣ жалѣю, что онъ не чиновникъ, потому что такая голова стоитъ многихъ другихъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, что онъ вамъ говоритъ о Моро и что онъ думаетъ объ его приѣздѣ. Что до меня, то кровь у меня закипаетъ, когда подумаю, какъ радуются тому, что Русскіе могутъ смотрѣть на иностранца, какъ будто на освободителя Россіи. Должно быть, я изрядно горда, потому что мнѣ это буквально бываетъ больно. Впрочемъ, я еще очень склонна думать, что отъ этого приѣзда намъ не будетъ ни холодно, ни жарко. А? Что вы на это скажете? Увѣряютъ, что Балашовъ уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ маленькое волненіе; это былъ бы подарокъ во вкусъ Наполеона, который въ два мѣсяца перемирія занимался возмущеніемъ этихъ людей противъ насъ и Австріи, которая уже завѣдомо за насъ. Если эти Турки не захотятъ быть покойны, это намъ надѣлаетъ хлопотъ. Мы ничего не знаемъ съ приѣзда курьера отъ 22; а надо сознаться, время возбуждающее. Къ тому же я совсѣмъ не знаю, что съ моими княжнами и съ ихъ графиней. Гдѣ онѣ бываютъ? Что дѣлаютъ? Получилъ ли Остерманъ опять командованіе, я не имѣю понятія, но читала въ газетахъ, что ему назначаютъ адъютантовъ. Напишите мнѣ что-нибудь о Толстомъ; не получали ли вы писемъ отъ Жилэ? Не можете ли вы мнѣ также сказать, зачѣмъ и кто отправилъ сына г-жи Сталь на тотъ свѣтъ?

Крестинъ.

Москва, 18 Августа 1813.

Я бы съ вами поговорилъ о Моро, если бы не думалъ, что сдѣлалъ это въ моемъ послѣднемъ посланіи. Мнѣ кажется, что вы обращаете вниманіе на его прїѣздъ въ отношеніи только для Россіи. Не Россія въ опасности, а вся Европа. Моро послужить не Россіи, а Европейскимъ цѣлямъ, которымъ всякій Европейецъ имѣетъ право содѣйствовать всѣми силами. Вотъ какъ я смотрю на это дѣло; и если Моро обращается къ императору Александру, то потому, что онъ во главѣ всеобщаго дѣла или готовящагося сдѣлаться всеобщимъ. Затѣмъ, вы соглашаетесь со мной, что во Франціи и ея арміи тысячи недовольныхъ, которыхъ удерживаетъ только общее понятіе, что всякая измѣна позорна, а примѣръ Моро способенъ уничтожить или ослабить это понятіе. Всякій генераль или офицеръ, удерживаемый въ продолженіе десяти лѣтъ подъ знаменами тирана своего отечества боязнью людскаго мнѣнія, будетъ считать себя достаточно вправѣ пойти по стопамъ челоуѣка, котораго Франція и армія больше всего любили и уважали. Къ тому же, какое вліяніе можетъ имѣть Моро на границѣ Франціи, если предположить, что мы подойдемъ къ Рейну? На что можно надѣяться, благодаря позднему объявленію Австріи? Какъ вы думаете? Вѣдь народъ съ большимъ довѣріемъ позволитъ войти ему, нежели какому-нибудь иностранцу. Развѣ вы считаете невозможнымъ, чтобы Французы, уставъ отъ гнета завоевателя, лишающаго ихъ покоя, присоединились къ Моро и сказали ему: „управляйте нами!“ Можетъ быть, авторитетъ Бонапарта поддерживается только до тѣхъ поръ, пока не знаютъ, кѣмъ его замѣнить? Нѣтъ, дорогая княжна, я не думаю, чтобы пріобрѣтеніе этого челоуѣка не имѣло значенія. Правда, дѣла могутъ принять такой оборотъ, что оно ничему не будетъ способствовать; но они могутъ также быть въ такомъ положеніи, въ которомъ его присутствіе и поддержка будутъ очень важны.

Я не имѣю никакихъ извѣстій отъ Жилэ, такъ же какъ и отъ Нарышкина. Г-жа Толстая *) извѣщаетъ меня, что ея мужъ должно быть переѣхалъ границу и соединился съ Бенингсеномъ. Увѣряютъ, что декларация Австріи возобновила враждебныя отношенія.

*) Княгиня Марія Андреевна супруга графа Петра Андреевича Толстого. Съ обширнымъ семействомъ своимъ занимала она въ Леонтьевскомъ переулкѣ домъ, гдѣ нынѣ типографія Мамонтова.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 16 Августа 1813.

Послѣдній прїѣзжій изъ арміи, молодой Воронцовъ, только что вышелъ отсюда. Удивительно, что онъ рассказываетъ о нашей арміи! Не говоря о хорошей выдержкѣ, умъ положительно совершенный. Каждый Пруссакъ, герой, говоритъ онъ. Король всеі душой намъ; положительно достовѣрно, что онъ и его страна не будутъ въ состояніи оправиться; это его послѣдняя ставка: онъ останется королемъ или не будетъ имъ. Австрійцы также стоятъ твердо, и у нихъ прекрасная армія. Соединенная армія состоитъ изъ 500 тысячъ, не считая нашихъ и ихъ резервовъ. „Злодѣи“ также сильны, но если можно полагаться на человѣческій расчетъ, то успѣхъ на нашей сторонѣ, потому что исторію въ Испаніи произведено большое отвлеченіе. Очень можетъ быть, Франція волнуется потому, что Марія-Луиза не возвращается въ Парижъ, а ѣдетъ въ Брюссель, и въ продолженіе этихъ переѣздовъ ни слова о Римскомъ королѣ, точно будто его нѣтъ на свѣтѣ. Гдѣ онъ? Вы ничего не знаете?

Скоро каждая минута будетъ дорога; первый курьеръ расскажетъ намъ только о свиданіи союзныхъ государей, но второй навѣрное принесетъ извѣстіе о какомъ-нибудь дѣлѣ. Особенно желательно, чтобы начало было намъ благопріятно. Графъ Воронцовъ описывалъ мнѣ сраженіе при Люценѣ; оно было такое, какъ мы съ вами и думали въ Москвѣ, и колокола звонили почти что къ гибели. Витгенштейнъ сдѣлалъ ошибку, открывъ правый флангъ; но постоянное присутствіе Императора, окончательно пренебрегающаго бомбами и пулями, помутило ему рассудокъ. Отъ всей души желаю, чтобы подобное не повторялось и чтобы Государь удержался показывать свою доблесть, которую уже видѣли. Въ этомъ случаѣ это доказываетъ маленькое самолюбіе, и я думаю, что для общаго блага можно бы было имъ пожертвовать. Какъ вы объ этомъ думаете?

Не могу скрыть отъ васъ, что я почувствовала досаду, когда Воронцовъ, между прочимъ, мнѣ рассказалъ объ общей радости по поводу прибытія Моро; напрасно будутъ мнѣ золотить эту пилюлю: я всегда буду чувствовать ея дурной вкусъ. Не понимаю, какъ могутъ переходить такъ скоро отъ непримѣрнаго чванства къ такому смѣшному подобострастію. Мнѣ кажется, такъ странно быть принужденной смотрѣть на Моро, какъ на спасителя трехъ монархій, что я никогда этого не постигну.

Она же.

Петербургъ, 28 Августа 1813.

Слушайте хорошенько, милостивый государь! Послѣдній курьеръ отъ 13-го, прїѣхавшій сегодня изъ главнаго штаба въ Нейдлицъ (въ 3 верстахъ отъ Дрездена), привезъ извѣстіе, что Витгенштейнъ прогналъ Французовъ съ ихъ укрѣпленія въ Пирнѣ, взявъ много плѣнниковъ и пушки. Кудашевъ, зять покойнаго фельдмаршала Кутузова, очень отличился и взялъ одно крыло. Завладѣли знаменами, изъ которыхъ одно, Польское, привезъ этотъ самый курьеръ. Бернадоттъ отослалъ виконта Ноалья къ Императору въ главную квартиру съ подробнымъ описаніемъ одержанныхъ побѣдъ 21-го, 22-го и 23-го. Французы отступаютъ на всѣхъ пунктахъ и, кажется, хотятъ соединиться по ту сторону Эльбы. Казаки и легкая кавалерія преслѣдуютъ ихъ во многихъ мѣстахъ, и отъ этого ожидается добрыхъ послѣдствій, т.-е. плѣнниковъ, артиллеріи, багажа и т. д. Бенингсенъ со своей арміей подошелъ къ Кролену и идетъ дальше. Отряды главной Русско-Австрійско-Прусской арміи счастливо и безъ усилій заняли укрѣпленныя Хемницкія ущелья въ Саксоніи, а нашъ авангардъ уже въ Лейпцигѣ. Говорятъ даже, что Австрійскій генераль графъ Нейпергъ уже вошелъ туда. Частныя письма изъ Риги извѣщаютъ, что союзники опять заняли Гамбургъ. Графъ Вальмоденъ, принужденный отступить въ Мекленбургъ, получилъ укрѣпленія со всѣхъ сторонъ, перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и двигается впередъ. Наполеонъ хочетъ замѣнить несуществующій для него болше иностранный сборъ конфискаціями и выпускомъ ассигнаціи. Вотъ что должно хорошо подѣйствовать на нашъ курсъ.

Кристинъ.

Москва, 28 Августа 1813 г.

Пожалуйста, скажите мнѣ все, что вы знаете о нѣкоемъ г-нѣ Сакенѣ, заставляющемъ родить свою жену при помощи выстрѣловъ изъ пистолета. Эта исторія здѣсь ходитъ въ сотнѣхъ разнорѣчій, и графиня Толстая, родственница бѣдной жертвы, спрашиваетъ меня о подробностяхъ, которыхъ я не знаю. Невозможно, чтобы подобная супружеская грубость не надѣлала шуму въ Петербургѣ. Каковы были послѣдствія ея для палача и его жертвы? Я боюсь молчанія во время войны; я люблю, чтобы говорили то, что есть. Увѣряютъ, что „Мониторъ“ ни слова не сказалъ о дѣлѣ Викторіи; это молчаніе еще

значительнѣе, такъ какъ всѣ узнають сущность дѣла и будутъ преувеличены подробности, смотря по боязни и по ненависти къ тирану. У меня не воинственная душа, но я не могу не быть очень доволенъ, что нѣкоторыя Французскія провинціи по опыту узнають ужасы, испытанныя нами годъ тому назадъ; это имъ ясно покажетъ, каково имъ находится подъ надзоромъ *ихъ кроткаго хозяина*.

Правительница Франціи Марія-Луиза, уѣзжающая изъ Парижа въ Брюссель и его величество король Римскій, спрятанный въ своихъ пеленкахъ, неизвѣстно гдѣ, доставляютъ мнѣ такое удовольствіе, которое я больше чувствую, чѣмъ умѣю выразить. Барбансоны всегда любили Австрійскихъ принцессъ; потому-то, должно быть, имъ эту и поручаютъ.

Неужели Жомини, извѣстный тактикъ Жомини слѣдуетъ примѣру Моро? Я вамъ говорю, что этотъ Моро опровергаетъ мнѣніе, которое Наполеонъ старается укрѣпить по поводу его перебѣжки. Ни одинъ Французъ не будетъ себя считать опозореннымъ, поступая такъ, какъ Моро счелъ возможнымъ и нужнымъ поступить. Правда, что Жомини только Швейцарецъ, но (на мой взглядъ) тѣмъ онъ больше стѣдитъ. Правда ли, что Любекъ опять взять и что Датчане намъ дадутъ 25 тысячъ своихъ солдатъ? Это немного поздно, но тутъ можно сказать: *лучше поздно, чѣмъ никогда*.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 8 Сентября 1813 г.

Насъ извѣстили о смерти Моро; сожалѣнія всеобщія; восклицаютъ о странности его судьбы, заставившей его столько лѣтъ спокойно прожить въ Америкѣ, въ кругу своей семьи, и уѣхать оттуда, чтобы быть поражену этой ужасной пулей и найти могилу въ Петербургѣ, куда его привезутъ похоронить. Я во всемъ этомъ вижу только одно. Доколѣ будетъ простираться самонадѣянность ума человѣческаго! Доколѣ не перестанетъ онъ дѣлать предположенія, строить на пескѣ! Наконецъ, доколѣ будетъ онъ жить только въ себѣ, а не въ Богѣ! Неужели его не смутитъ это событіе? Мнѣ кажется, что Провидѣніе очевидно рѣшилось насъ унижить... А мы думали, что васъ спасетъ князь Кутузовъ; ну такъ у васъ его не будетъ. А вы въ своей безумной гордости думали, что это сдѣлаетъ Моро; такъ нѣтъ: Я его возьму, чтобы показать, что весь вашъ умъ, вся ваша предвзятость ничто.

А пока Блюхеръ съ своей стороны поступаетъ очень хорошо; увѣряютъ, что войско въ 80 тыс., бывшее противъ него, доведено до 35 тысячъ. Ему послали св. Андрея. Австрійскій императоръ просилъ нашего принять орденъ Маріи-Терезіи перваго класса. Онъ далъ тотъ же орденъ втораго класса Витгенштейну, графу Остерману. Кноррингу и еще одному, имя я забыла. Всѣ эти ленты, пожалованныя съ той и другой стороны, а еще больше письма, получаемыя оттуда, убѣждаютъ въ томъ, что между соединенными партіями господствуетъ самое крѣпкое согласіе. Графъ Остерманъ здоровъ, онъ выдержалъ сдѣланную ему операцію съ большимъ мужествомъ, и Вилье увѣряетъ, что черезъ нѣсколько недѣль онъ будетъ въ состояніи опять служить, почему я его и ожидаю со дня на день во время, когда менѣе всего объ этомъ будутъ думать. Это онъ командовалъ гвардіей въ дѣлѣ 17-го. Болѣе 12 часовъ четыре его полка сражались противъ 42 тысячъ непріятеля и буквально покрылись славою. Остерманъ всѣхъ возбуждалъ своимъ примѣромъ. Бросаясь всюду, гдѣ ему казалось наиболѣе опаснымъ, онъ поддерживалъ наилучшій порядокъ, и всѣ его офицеры дѣлали чудеса. Когда ему оторвало ногу, баронъ Розенъ, командиръ Преображенскаго полка, замѣнилъ его. Сегодня утромъ я получила списокъ убитыхъ и раненыхъ; ихъ изрядное количество, но большинство раненыхъ. Ефимовичъ, шурина Руничя, раненъ очень сильно; сомнѣваются, чтобы онъ остался живъ. Андрей Голицинъ также, но очень легко. Всѣ, кого можно было перенести, перенесены въ Прагу. Благодарю Бога, тѣ молодые люди, которыхъ я люблю, избѣжали этого. Каждый приѣзжающій курьеръ причиняетъ смертельную тревогу: хочешь имѣть извѣстія и боишься ихъ спрашивать. Сегодня утромъ кто-то приѣхавшій изъ города увѣрялъ, что говорятъ еще объ одномъ дѣлѣ Витгенштейна.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, отослать васъ къ моей тетушкѣ по поводу исторіи Сакена. Я ей рассказала отъ начала до конца; избавьте меня отъ повторенія и знайте, что молодая дама теперь отлично себя чувствуетъ. Ея мужъ просто сумасшедшій, и думаютъ, что голова у него давно уже не въ порядкѣ.

Крестинъ.

Москва, 8 Сентября 1813 г.

Вамъ пишетъ бѣдный хромой, дорогая княжна, по правдѣ сказать, бѣдный подагрикъ съ третьяго дня не ѣстъ, не пьетъ. Вы скажете, что подагра не бываетъ въ цвѣтѣ лѣтъ; но вѣдь этому цвѣту

будетъ въ Четвергъ, 11 числа, ровно 50 лѣтъ. Если бы я могъ скрыть отъ себя эту истину, я бы сдѣлалъ изъ этого передъ вами тайну; но такъ какъ я долженъ это знать и переваривать горечь этого, то я и въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, открою вамъ мое сердце. Итакъ, у меня полстолѣтіе на плечахъ, со всѣми его пріятностями: лысой головой, лбомъ въ морщинахъ, распухшей и болящей ногой... избавляю васъ отъ всего, чтó могъ прибавить. Всѣ эти немощи могутъ конечно измѣнять внѣшность; но я съ благодарностью замѣчаю, что они портятъ только поверхность и оставляютъ во мнѣ нѣжное и любящее сердце, могущее поспорить съ самыми молодыми; а такъ какъ эта способность—источникъ и основаніе счастья, то я не жалѣю всего остального, чтó могутъ погубить года.

Я отлично зналъ, что вы кокетничали съ графомъ Марковымъ; онъ мнѣ очень занимательно это рассказывалъ. Онъ мнѣ говорилъ, что вы его открыто преслѣдуете, но что онъ, къ несчастью, *чувствуетъ себя въ состояніи противустоять вамъ*. Я ему отвѣчалъ съ послѣдней почтой: „Очень радъ, счастливъ, что вы видаетесь съ княжной Туркестановой и желалъ бы, чтобы видались почаще: она одна изъ вашихъ друзей; у нея твердый умъ и надежный характеръ; я бы желалъ, чтобы вы испробовали вѣрность ея сужденій, переходя иногда отъ болтовни къ дѣльному; она могла бы вамъ разъяснить многое, чтó для васъ непонятно, такъ какъ съ нею довольно откровенно говорено о томъ, что составляетъ предметъ всей вашей любви“. По отправкѣ моего письма, я подумалъ, что онъ вѣрно будетъ вамъ дѣлать вопросы, которые вы не очень-то поймете, если я васъ не предупрежу (между нами), что онъ имѣлъ причины думать, что Гурьевы желаютъ брака, а теперь ему кажется, что они больше не идутъ на эту удочку. Онъ мнѣ объ этомъ написалъ довольно просто, а я не могъ ему отвѣчать по почтѣ иначе, какъ очень неопредѣленно. Итакъ, если онъ обратится къ вамъ, дорогая княжна, за разъясненіями, поговорите съ нимъ откровенно о существующемъ препятствіи, но пощадите все-таки его дружбу къ г-жѣ Гюсъ и свойства этой женщины: она, увѣряю васъ, по своимъ хорошимъ сторонамъ заслуживаетъ мѣста гораздо выше своей сферы. Если вы увидите, что онъ хочетъ быть откровененъ, скажите ему, чтó я вамъ писалъ по этому поводу и если онъ захочетъ узнать, чтó я вамъ объ этомъ говорилъ, прочтите ему въ моемъ письмѣ отъ 11 Августа все, что относится къ его дочери: это средство—внушить ему полное довѣріе; дипломатическое поприще сдѣлало его очень недовѣрчивымъ; я всегда уничтожалъ это недовѣріе полною откровенностью. Онъ будетъ польщенъ,

что имъ занимаются такъ благородно и безкорыстно, и вы сдѣлаете себѣ изъ него надежнаго друга, которому, я увѣренъ, вы будете чрезвычайно полезны. Его сердце можно только взять приступомъ, такъ какъ онъ не имѣетъ счастья вѣрить въ великодушіе; онъ съ трудомъ соглашается, чтобы можно было что-нибудь любить безкорыстно, и иногда приходится дѣлать ему услуги мимо его. Но когда удастся заслужить его расположеніе, онъ обнаруживаетъ очень пріятный умъ и благодарное сердце.

Хорошія вѣсти о войнѣ мнѣ невыразимо пріятны... Значить, кровь человѣческая перестанетъ литься, и для насъ настанутъ счастливые и спокойные дни. Все, что я слышалъ объ Австрійскомъ манифестѣ, возбуждаетъ во мнѣ сильное желаніе прочесть его: онъ самага хорошаго направленія.

Боже! какъ довѣрчиво я съ вами говорю! Почему я незнакомъ съ вами 4 года или 5 лѣтъ? Я бы не могъ васъ больше любить, но я бы имѣлъ больше права быть съ вами откровененъ; не такъ, какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства, когда я вамъ долженъ казаться чисто по-швейцарски добродушенъ и наивенъ... Что ни дѣлай, никогда не утратишь духа своей земли.

Онъ же.

Москва, 18 Сентября 1813 г.

Ваши размышленія по поводу смерти Моро очень основательныя и христіанскія; но до тѣхъ поръ, пока Провидѣнію угодно будетъ скрывать отъ людей свои пути, люди естественно будутъ прибѣгать къ человѣческимъ доводамъ. Итакъ, мы должны были надѣяться на Кутузова, на Моро, такъ же, какъ еще надѣмся по ихъ смерти на союзъ властей, которыя, можетъ быть, разойдутся прежде, чѣмъ достигнуть своей цѣли. Моисей держалъ цѣлый день руки воздѣтыми къ Небу, чтобы испрашивать Его помощь; но во весь этотъ день Израильскій народъ бился съ наибольшей храбростью и, повѣрьте, эта храбрость не вредила молитвамъ начальника.

Я поспѣшилъ сообщить графинѣ Толстой хорошія новости объ Остерманѣ. Это удивительный человѣкъ: онъ похожъ на ходячаго призрака. Кажется будто онъ чуть дышетъ, а между тѣмъ на полѣ битвы дѣлается львомъ: его рѣжутъ, рубятъ, а онъ еще лучше чувствуетъ себя и еще болѣе расположенъ опять драться. Такой человѣкъ очень цѣненъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Курьеръ, отправленный

изъ арміи 5 Сентября, говорилъ мнѣ сегодня утромъ, что Наполеонъ въ Парижѣ, нашъ Императоръ въ Дрезденѣ, что Французы были побиты въ 30 миляхъ отъ Вѣны, отступаютъ на всѣхъ путяхъ, и мы подвигаемся. Я бы былъ на верху счастья, если бы могъ вѣрить всему этому; но такъ какъ этотъ курьеръ видѣлъ графа Ростопчина, а онъ не говоритъ ни объ одномъ изъ этихъ извѣстій, то я считаю ихъ по меньшей мѣрѣ сомнительными. Жду почты съ нетерпѣніемъ. Чтò можетъ Наполеонъ дѣлать въ Парижѣ? Дадутъ ему послѣдніе остатки Франціи? Во всякомъ случаѣ это будетъ еще не обученная молодежь, армія безъ кавалеріи.

Князь Юсуповъ давалъ мнѣ читать письмо молодого Потемкина къ матери; это письмо доставило мнѣ большое удовольствіе простотою и скромностью, съ которою онъ описываетъ битву, гдѣ участвовалъ въ продолженіе 12 часовъ: такъ много молодыхъ людей хвастались бы, выставлялись на показъ... а этотъ какъ будто бы смотрѣлъ на все изъ логи; это рѣдкостно и прекрасно! Я нашелъ, что этотъ рассказъ такъ хорошъ по своей простотѣ, что я его списалъ, чтобы послать Толстой; мнѣ больше нравятся такого рода описанія, чѣмъ тѣ, которыя читаешь въ газетахъ.

Получилъ письмо отъ Жилэ; онъ съ графомъ Толстымъ на границѣ Силезіи, въ мѣстечкѣ, называемомъ Сокольники; не знаю, чтò это такое. Здѣсь увѣряютъ, что генераль Беннингсенъ умеръ. Всѣ эти генералы не очень задерживаются; просто невѣроятно, сколько на моихъ глазахъ ихъ померло въ Россіи за 15 лѣтъ, начиная съ Румянцева и Суворова; правда, что такіе не часто умираютъ. Живите долго, хотя вы и не генераль! Живите тысячу лѣтъ, какъ говорятъ Испанцы!

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 18 Сентября 1813.

Вы въ подагрѣ, вы страдаете, и это очень непріятно; все-таки, милостивый государь, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ пожалѣть, выбрать васъ хорошенько. Это неправда, что вамъ 50 лѣтъ: вамъ только 15, потому что вы поступили такъ, какъ можно только поступить въ эти лѣта, когда зачастую слишкомъ спѣшать говорить. Къ чему было передавать Маркову все, чтò я вамъ писала по поводу моего разговора съ Гурьевой? Зачѣмъ рассказывать, тó чтò я пишу вамъ одному? Зная, какъ вы интересуетесь молодой дѣвушкой и услышавъ отъ васъ о возможности выдать ее замужъ въ семью Гурьевыхъ, я просто вамъ сказала, что мнѣ кажется, будто это не такъ легко сдѣлать, потому

что Гурьева почти такого же мнѣнія, какъ и Толстая, по поводу столь щекотливаго дѣла. Правда, что Гурьева говорила со мной объ этомъ не подъ секретомъ, и я не должна была умалчивать объ этомъ, но, кто знаетъ? можетъ она будетъ сердиться за то, что я вамъ рассказала. Передавая этотъ разговоръ Маркову, вы его уполномочиваете или, вѣрнѣе сказать, предлагаете ему дѣлать мнѣ вопросы, а для чего? Чтобы я была принуждена поставить Гурьеву въ неловкое положеніе, иначе это не можетъ быть. Вертите это какъ угодно, а всегда будетъ казаться, что я сплетничаю, что я кумушка, хоть мнѣ все это безразлично. Я думаю, что вы предполагаете во мнѣ обожаніе къ вашему старику, но этого нѣтъ: просто я люблю его, какъ любятъ всѣхъ пріятныхъ людей въ обществѣ, и мнѣ никогда въ голову не придетъ сдѣлать себѣ изъ него *друга*. Я всегда очень рада услужить, но это желаніе не простирается до того, чтобы я стала мѣшаться въ дѣла, которыя совсѣмъ до меня не касаются и изъ которыхъ, какъ знаю, очень неловко сѣмъ выпутаться. Чтò вамъ за охота впутывать меня въ этотъ бракъ, который можетъ совершиться безъ меня или не совершиться также безъ моего участія. Согласитесь, что все, чтò вы выдумали, очень неумѣстно, что вы были неправы, не должны были писать Маркову и что я справедливо васъ браню.

Я уже не на дачѣ; третьяго дня мы уѣхали съ Каменнаго Острова; такъ какъ мои комнаты во дворцѣ еще не исправлены, то я должна была поселиться у доброй и любезной княгини Борисъ Голицыной, и она мнѣ отвела прелестныя комнаты внизу, гдѣ я удобно и очень тепло помѣстилась; но мнѣ нельзя будетъ долго здѣсь оставаться, такъ какъ сегодня Императрица Елисавета возвратилась въ городъ и всѣ должны быть на своемъ мѣстѣ. Около 4 или 5 Октября я водворюсь на своемъ чердакѣ. Не смогу передать вамъ всѣ ласковыя слова, которыя мнѣ говорила княгиня Юсупова на прощаньи; я совсѣмъ ими растрогалась. Она была со мной безукоризненно хороша за все время моего пребыванія на дачѣ, и если бы вы были съ нею знакомы, вы бы знали, какъ надо въ ней цѣнить малѣйшій намекъ на вниманіе, она обыкновенно холодна. Два года мы видались и не говорили другъ съ другомъ, я даже начала ее избѣгать, такъ она мнѣ казалась непріятна. Бракъ ея дочери съ моимъ двоюроднымъ братомъ сблизилъ насъ, и съ тѣхъ поръ мы познакомились. Вообще, я не знаю какимъ чарамъ это приписать, но я замѣтила, что со времени моего возвращенія изъ Москвы многіе стали относиться ко мнѣ гораздо лучше. Во всемъ, чтò я вижу, нахожу удивительную пріятность. Сладко быть немного любимой, но какъ это мѣшаетъ спасенію! Всегда

надо быть на сторожѣ, чтобы не слишкомъ предаться этой сладости. Стоить только отдаться этому, и можно начать любить только тѣлесно, но не духовно. Особенно я! Ахъ, какъ я люблю плоть! И какъ бы я желала не любить ея! Какъ вы думаете, достигну ли я этого когда-нибудь? Впрочемъ, будучи вполне увѣрена, что люблю васъ, я не осуждаю себя на погибель, прошу вѣрить, что я это дѣлаю, несмотря на ваше 15-лѣтнее безразсудство. Прощайте и не помните зла.

Я послала Толстой письма моихъ сестеръ, которыя я недавно получила; онѣ въ Прагѣ. Остерманъ не знаетъ, что ея мужъ безъ руки; она совершенно счастлива, что онъ послѣ этого ужаснаго дѣла остался живъ. Графъ написалъ ей два слова на другой день операціи, но въ то же время послалъ къ моимъ сестрамъ своего адъютанта, чтобы сказать имъ всю правду, но умолялъ ихъ не говорить ничего графинѣ, пока онъ самъ къ намъ не пріѣдетъ.

Она же.

Петербургъ, 28 Сентября 1813.

Все, что вы говорите о Вандамѣ, прелестно. Особенно мнѣ нравится: онъ говорилъ Вандаму, какъ будто Готентоту, Негру и т. п. Я все это передала Строгановой, зная, какое удовольствіе это ей доставить. Итакъ, мы съ нею вмѣстѣ читали это письмо, а потомъ она захотѣла, чтобы я его еще перечла у княгини Вольдемаръ, которая также была отъ него въ восторгѣ. Чтеніе этого письма доставило мнѣ случай говорить о томъ, кто его писалъ и, конечно, весь этотъ вечеръ вы были въ хорошихъ рукахъ. Когда я люблю кого-нибудь, мнѣ такъ хочется, чтобы тѣ, кого я уважаю, также любили этого человѣка; потому-то я и говорила много о васъ этимъ дамамъ, съ своей стороны, очень достойнымъ. Я часто досажую, что вы не въ Петербургѣ, какъ изъ-за себя, такъ и изъ-за васъ; мнѣ кажется, что вамъ не отдають должное въ Москвѣ и не достаточно цѣнятъ. Не то, что тамъ нѣтъ хорошихъ людей или что у нихъ нѣтъ сужденія; но я въ нихъ отрицаю извѣстную тонкость вкуса. Вы понимаете? Я не знаю, хорошо ли я выражаюсь, но еще разъ скажу: у нихъ нѣтъ тонкаго вкуса. Я склонна думать, что я плохо объяснила все, что касается Моро. Я не утверждаю, что надо сидѣть сложа руки и ждать дѣйствій Провидѣнія; но я хотѣла вамъ сказать, что человѣческій умъ слишкомъ самонадѣянъ и охотно имѣетъ извѣстные замыслы, какъ будто бы не могущіе разстроиться, если онъ ихъ заранѣе предвидѣлъ и устроилъ. Я бы желала, чтобы не со слишкомъ большою увѣренностью опирались на

этотъ умъ и чтобы все подчиняли волѣ и могуществу Всевышняго. Если бы это была господствующая мысль, тогда бы не гордились никакимъ успѣхомъ и не отчаявались бы при неудачѣ. Чтѣ вы мнѣ говорите про Моисея—хорошо, но сознаться ли вамъ? Я думаю, что именно поднятыя руки и дѣлали Израиля храбрымъ и побѣдителемъ.

Тѣло Моро прибыло; его положили въ Царскомъ Селѣ, въ Католической церкви: въ здѣшней работаютъ надъ катафалкомъ, который дѣлаетъ Гваренги; когда это будетъ кончено, его перевезутъ; будетъ торжественная служба, торжественная музыка. Отецъ Розавень, Езуитъ, взялся говорить надгробную рѣчь; онъ ученъ, очень краснорѣчивъ. Посмотримъ, чтѣ онъ скажетъ. Если я отправлюсь на эту службу, то только изъ-за этой рѣчи. Думаю, что Моро будетъ погребенъ противъ Польскаго короля; не знаю, куда еще его могутъ положить. Его адъютантъ, полковникъ Рапатель, пріѣхалъ съ тѣломъ; онъ былъ къ нему очень привязанъ, сопутствовалъ ему во всѣхъ его походахъ, жилъ съ нимъ въ Америкѣ, словомъ, никогда съ нимъ не разставался. Онъ сильно огорченъ и все, чтѣ онъ говоритъ о потерѣ, которую онъ понесъ, доказываетъ чувствительнаго человѣка. Императоръ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ.

Наши дѣла идутъ хорошо; Шведскій наслѣдннй принцъ подвигается большими шагами. Этотъ Рапатель съ увлеченіемъ говоритъ о немъ. Онъ также спокоенъ относительно Блюхера; кажется, онъ меньше рассчитываетъ на Шварценберга. Положительно увѣряютъ, что Наполеонъ оставляетъ Дрезденъ и отступаетъ. Здѣсь получены свѣжія письма изъ арміи Беннингсена, который, чтѣ называется, подаетъ руку Блюхеру; графъ Толстой долженъ двинуться къ Одеру. Съ другой стороны мы имѣемъ извѣстіе, что заняли Триестъ, что Баварія переходитъ подъ наши знамена и Вюртембергъ подаетъ ту же надежду. Это приблизительно вся Германія; говоря по-человѣчески, дѣйстви-тельно кажется, что дѣло не можетъ не удасться. Я еще не на своемъ чердакѣ; буду взбираться послѣ завтра 1 Октября. Какъ только тамъ устроюсь, обѣщаю вамъ прислать росписаніе моихъ дѣйствиій. Вы правы, что я не буду больше ходить гулять, потому что одна мысль о четырехстахъ ступенькахъ лишаетъ всякой охоты. Ограничусь садомъ „Эрмитаяка“, закрытымъ со всѣхъ сторонъ, который я называю садомъ Одалисокъ; тѣмъ болѣе, что мнѣ нуженъ только моціонъ. Что же касается до людей, то я ихъ буду видать по вечерамъ. Княгиня Голицина возобновила свои Пятницы и Понедѣльники; въ первый день было только около двадцати человѣкъ; я сыграла партію трикъ-трака съ герцогомъ Полиньякомъ и пошла спать въ двѣнадцать часовъ.

Если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣдаетъ многочисленное общество! До такой степени, что я не могу достаточно сильно передать вамъ это выраженіе. ни малѣйшаго желанія стараться понравиться, говорить; однимъ словомъ, необходимость быть въ немъ—для меня маленькій крестъ. Ахъ, если бы Богу угодно было меня удалить отъ всего этого!

Кристинъ.

Москва, 9 Октября 1813 г.

Я нахожу, что вы такъ хороши и любезны, что я желать бы, чтобы вы обо мнѣ судили совершенно сознательно, и иногда мнѣ хочется единственно для васъ возобновить свой трудъ, который уже далеко подвинулся, но погибъ во время Московскаго разгрома, частью отъ пожара, частью отъ грабежа. Это былъ послѣдовательный рассказъ довольно необыкновенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я находился со времени моего вступленія въ свѣтъ. Я сохранилъ только первую часть, единственную, переписанную на-бѣло, потому, что она была въ моихъ портфеляхъ; огромный черновикъ, оставленный въ чемоданѣ съ ненужными вещами, погибъ. Этотъ рассказъ могъ бы быть любопытенъ (за исключеніемъ того, что меня касается), благодаря тѣмъ событіямъ, которымъ я былъ свидѣтелемъ. Тѣмъ не менѣе, я никому его не читалъ и рѣшительно никому не говорилъ о его существованіи. Теперь мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы его прочли; но составлять опять очень трудно и скучно. Если вы это сочтете нужнымъ, ободрите меня, и я потружусь. Изъ этого чтенія вы узнаете меня также хорошо, какъ я самъ, и познакомитесь съ любопытными и совершенно неизвѣстными анекдотами изъ революціи и разныхъ общественныхъ событій.

Меня сильно радуетъ что вы мнѣ сообщаете объ арміяхъ; но я согласенъ съ Рапателемъ относительно Шварценберга; я думаю, что Австрійцы не позволяютъ доканать Наполеона, и что они, какъ только увидятъ, что онъ доведенъ до положенія, удобнаго для ихъ политики, заключать съ нимъ выгодный для себя миръ, не заботясь о другихъ. Моя твердая надежда въ характерѣ Бонапарта: онъ не захочетъ слышать ни о какомъ соглашеніи, какъ только ему нужно будетъ уступить хоть вершокъ его прежнихъ завоеваній.

Вотъ вы и помѣстились въ вашемъ возвышенномъ жилищѣ; мнѣ говорила ваша тетушка, что вамъ устроили тамъ прелестное помѣщеніе и что васъ балуетъ гр. Литта. Нахожу, что онъ очень счастливъ, если можетъ легко вамъ услуживать.

Счастливъ у кого хорошее помѣщеніе, и я этимъ вполнѣ пользуюсь, такъ какъ у меня одна изъ лучшихъ квартиръ въ Москвѣ, чистая, хорошо меблированная и старательно содержимая. Поэтому прошу вѣрить, что меня навѣщаютъ дамы и что легкое нездоровье, удерживавшее меня дома, послужило поводомъ къ тому, что третьяго дня у меня обѣдали Лобкова *) и еще другія дамы. Между нами, я думаю, что скучно облекаться въ человѣколюбіе; но я вѣжливо и не показываю виду, что узнаю ее.

У насъ въ Москвѣ новая красавица, о которой довольно много кричатъ. Это молодая жена Валуева-сына; она Лифляндка, свѣжая, съ розовыми щеками, прекрасными глазами, нѣжнымъ говоромъ и большою наивностью; но она скучаетъ здѣсь, потому что не любитъ ни грань-пасьянсовъ, ни вязанья. Скажите пожалуйста, какой образъ жизни вы бы себѣ выбрали, если бы вамъ было вольно устраивать себѣ судьбу. Общество въ 20 человѣкъ и трикъ-тракъ съ добрымъ, старымъ герцогомъ Полиньякомъ вамъ кажутся слишкомъ шумными? Вы такъ хорошо созданы для общества, что стараться лишать его васъ—настоящее преступленіе. Правда, днемъ одиночество, чтеніе и сосредоточеніе мыслей составляютъ счастье; но вечеромъ маленькое общество въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ полезно тѣмъ, что, возобновляя мысли, освѣжаетъ умъ и поддерживаетъ его въ настроеніи, нужномъ для жизненныхъ сношеній.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 6 Октября 1813 г.

Зачѣмъ разумъ вашъ захотѣлъ предписать извѣстныя границы чувству, которыя я къ вамъ питаю? Не слѣдовало заставлять его работать надъ этимъ, а просто вполнѣ увѣриться, что я васъ очень люблю и самымъ хорошимъ образомъ. Итакъ, не играйте словами, милостивый государь, и не заставляйте меня вамъ объяснять то, что вамъ захочется понимать въ обратномъ смыслѣ: я никогда не съумѣю вамъ отвѣтить, просто потому, что я не такъ умна, какъ вы, и увѣрена, что если напишу цѣлые томы, вы съ двухъ словъ меня побьете. Въ письмѣ, 29-го полученномъ, опять затронуть предметъ, который навлекъ на васъ мою брань. Право же мнѣ нельзя было васъ понять иначе; страхъ при мысли о томъ, что меня будетъ спрашивать Марковъ и увѣренность въ томъ, что я ему неловко отвѣчу, можетъ быть, разсердила больше, чѣмъ слѣдуетъ, и я, обыкновенно откровенная, почувствовала потребность высказать вамъ,

*) Анна Ивановна, рожд. Игнатъева, мать С. А. Соболевскаго.

какъ я все это приняла. Если я немного черезчуръ разсердилась, соблаговолите простить мнѣ это, и сдѣлаемъ, какъ-будто ничего не было.

Мое помѣщеніе, состоящее изъ трехъ комнатъ, приняло видъ свѣжести, ласкающей глаза, благодаря новому паркету, исправленному камину, вновь окрашенной обивкѣ и вывернутому зеленому казимиру на мебели; мои сотоварки смотрятъ на него особенно, съ настоящей завистью. Господствующая въ немъ чрезвычайная чистота, извѣстный порядокъ въ моихъ вещахъ, все это прелестно. Я себѣ устроила маленькій уголокъ, гдѣ поставила очень удобное Вольтеровское кресло, напротивъ маленькій столикъ и сбоку этажерку, на которой стоятъ мои книги; это очень комфортабельно, какъ говорятъ Англичане. Тутъ провожу я каждое утро.

Я отказалась отъ прогулокъ: конечно, невозможно нѣсколько разъ на день взбираться на эти ужасныя лѣстницы; надо ограничиться галлереями Эрмитажа, тѣмъ болѣе, что вотъ точное распредѣленіе всей недѣли. Въ Понедѣльникъ обѣдаю у себя небольшимъ количествомъ супа, котлетой, яйцами и стаканчикомъ портвейна; затѣмъ почти цѣлый день занимаюсь писаньемъ; вечеромъ, т.-е. въ 9 часовъ, ѣду къ княгинѣ Борисъ. Еще ничего не рѣшено относительно обѣда во Вторникъ: я могу пообѣдать гдѣ-нибудь, гдѣ не часто бываю; вечеромъ я возвращаюсь къ себѣ. Въ Среду обѣдаю у графини Строгановой и ужинаю у ея матери. Въ Четвергъ обѣдъ у княгини Юсуповой и вечеръ у Гурьевой. Въ Пятницу обѣдъ у княгини Борисъ, а такъ какъ этотъ день она опять принимаетъ вечеромъ, то норовлю улизнуть къ себѣ въ мой уголокъ. Въ Субботу я обѣдаю у господъ Литта, играю тамъ въ бостонъ и вечеромъ отправляюсь къ княгинѣ Владимиръ. Въ Воскресенье опять обѣдъ у княгини Борисъ, а вечеромъ у Гурьевой. Слышите ли, Гурьевой; потому что это не столько относится до нея самой, сколько до нѣкоторыхъ добрыхъ друзей, которыхъ я тамъ встрѣчаю.

Въ Петербургѣ утро не такое, какъ въ Москвѣ: выѣзжаютъ въ 4 часа къ обѣду, такъ что тому, кто встаетъ въ 8 часовъ, какъ я это дѣлаю, достаточно времени для того, чтобы читать, размышлять, отстоять обѣдню, научиться, удовлетворять свое любопытство и вышивать фестоны. Если такъ добры, что придутъ навѣстить меня, я очень рада; если нѣтъ, то я безъ притязаній.

Вчера у Гурьевой говорили, что при выступленіи изъ Дрездена, Саксонскій король былъ окруженъ отрядомъ соединенной арміи и со всей своей семьей отвезенъ въ окрестность Хемница. Правда ли это,

не берусь васъ увѣрять. Но чтò вѣрно, такъ это то, что съ Саксонскаго короля ничего, кромѣ его самого, взять нельзя, такъ какъ достовѣрно, что Наполеонъ завладѣлъ его богатствомъ: онъ заставилъ отдать себѣ даже приданое княжны Августы и удовольствовался тѣмъ, что записалъ все въ большую книгу. Долгорукій сообщаетъ это своей матери изъ Вѣны. Мнѣ кажется, что это потерянные или, по меньшей мѣрѣ, очень невѣрныя деньги.

Нѣсколько дней назадъ похоронили Моро; я не пошла на похороны. Очень хулятъ надгробную рѣчь, но бѣдный преподобный самъ не хотѣлъ говорить и такъ былъ увѣренъ въ неудачѣ, что ожидалъ такой критики. Этотъ умный человѣкъ, но я не удивляюсь, что рѣчь ему не удалась, такъ какъ предметъ былъ трудный. Полковникъ Рапателъ былъ у меня; онъ плачетъ, говорить очень трогательныя вещи по поводу своей привязанности къ Моро, но также странныя о томъ, чтò творится въ арміяхъ. Кажется, онъ не предвидитъ всему этому скорого конца.

Она же.

Петербургъ, 20 Октября 1813.

Я не въ Понедѣльникъ остаюсь дома, а во Вторникъ, оттого что я приняла должность въ Дамскомъ Благотворительномъ Обществѣ. Я помощница г-жи Новосильцовой (урожденной Орловой); такъ какъ случилось, что у нея бѣдные въ двухъ довольно отдаленныхъ одна отъ другой частяхъ, то она мнѣ поручила одну изъ нихъ. Эти поѣздки должны совершаться въ Понедѣльникъ, такъ же какъ и представленіе моего отчета г-жѣ Новосильцовой; она, въ свою очередь, передаетъ его каждую Среду въ Совѣтъ. Я устроилась такъ, что буду имѣть карету г-жи Новосильцовой, которая просила меня въ эти дни обѣдать у нея. Она хорошая женщина, видитъ мало людей, живетъ у Езуитовъ, изъ-за сына, и принимаетъ у себя только нѣкоторыхъ духовныхъ, или людей того же сорта, какъ, на примѣръ, Местра *). Итакъ, я туда ѣду сегодня, а вечеромъ вернусь домой, чтобы докончить свои письма.

Вчера я была у Маркова, узнавъ, что онъ немного боленъ. Графъ сказалъ у Гурьевой, что онъ былъ въ постели, и мы поспѣшили къ нему пріѣхать. Онъ насъ превосходно принялъ. Просидѣли около двухъ часовъ. Онъ только что всталъ. Это былъ лишь легкій насморкъ. Я нашла, что у него хорошій видъ, а главное, онъ очень любезенъ,

*) Замѣну имъ искала она, утративъ единственнаго сына и не живя съ мужемъ, въ Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. П. Б.

даже очарователенъ. Смѣялся надо мной, сравнивалъ меня съ Амбруазой де Ламелѣ, но все это дѣлалось такъ, что только заставляло смѣяться. Я попросила повидаться съ его дочерью. Она тотчасъ же пришла. Я была съ нею очень ласкова, и отецъ мнѣ былъ благодаренъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать завтра или въ Среду. Онъ старается привлечь Гурьеву; не знаю, что онъ будетъ въ этихъ случаяхъ дѣлать съ г-жею Гюсъ, она вчера не вышла и не показывается, когда Гурьева тамъ бываетъ. Я очень люблю вашего старика и отъ всего сердца желаю, чтобы онъ могъ повѣрить въ Иисуса Христа. Боже мой, Боже мой, какой онъ еще философъ!

Кристинъ.

Москва, 30 Октября 1813.

Такъ вамъ очень опротивѣло общество, княжна! Это ужасно; это значитъ находить удовольствіе въ неблагодарности, ибо это отвращеніе—зло, которымъ вамъ общество отвѣтитъ. Это я вамъ говорю съ увѣренностью и умоляю васъ позволить себѣ немного любить тѣхъ, кто васъ любитъ. Я совсѣмъ не за большое шумное общество, гдѣ сердце почти какъ въ одиночествѣ, но очень за маленькія собранія друзей или близкихъ знакомыхъ, съ которыми безъ стѣсненія можно поболтать вечеромъ часокъ-другой послѣ дня, проведеннаго въ занятіи и одиночествѣ: тогда отдыхаетъ умъ, является веселость, и мысли обновляются обмѣномъ другихъ мыслей. Можетъ быть, ваши выѣзды въ обѣденное время уничтожаютъ то удовольствіе, которое вы получили бы отъ общества, если бы оно для васъ начиналось съ 9 часовъ вечера; можетъ быть, оно для васъ стало бы необходимо, а вслѣдствіе этого пріятно, какъ говоритъ пословица: настоящія удовольствія испытываются только при настоящей нуждѣ.

Если бы вы цѣлый день оставались однѣ съ вашими книгами и въ полной тишинѣ, вы бы увидѣли, что въ концѣ дня, въ опредѣленный часъ, васъ бы потянуло къ нѣкоторымъ друзьямъ. Говорите, что хотите, а вы созданы для этого, и утверждать противное, значитъ идти противъ своей природы. Что касается до образованности, за которую вы не слишкомъ стоите, это также богохульство, ересь, въ которой нужно лучше раньше, чѣмъ позже, покаяться. Подумайте только, что безъ этой людскости мы бы не пользовались вашимъ умомъ, а вы бы не пользовались умомъ столькихъ извѣстныхъ и знаменитыхъ людей, произведенія которыхъ доставляютъ и вамъ и намъ наслажденіе. Вы думаете, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Расинъ и высокіе

геніи XVII вѣка написали бы свои образцовыя произведенія, если бы не родились какъ разъ въ эпоху самаго высокаго развитія образованности? Потому что послѣ нихъ она очень пала, и мы это чувствуемъ. Представить вамъ живые примѣры? Взгляните на тотъ слой общества, гдѣ недостатокъ образованія мѣшаетъ развитію: конечно, вы тамъ встрѣтите людей честныхъ, иногда съ природнымъ умомъ, но какъ этотъ умъ стѣсненъ мелкими помышленіями, на которыя онъ обращается; какое множество мыслей, которыми мы имѣемъ счастье обладать, никогда не дѣлается имъ доступно и не возвыситъ ихъ душу до извѣстной высоты! Но (если я хорошо понимаю ваше письмо) именно это множество идей васъ смущаетъ, и вы завидуете людямъ другого положенія именно въ этомъ недостаткѣ ихъ. На это мнѣ нечего отвѣчать, развѣ только что большое богатство всякаго рода пресыщаетъ того, кто имъ обладаетъ. Неужели вы рѣшитесь взаправду жаловаться на то, что составляетъ ваше лучшее достоинство въ глазахъ всѣхъ людей съ пониманіемъ; я говорю о тѣхъ блестящихъ и тонкихъ мысляхъ, такъ же обильныхъ какъ и легкихъ, которыя васъ отличаютъ въ высшей степени. Ахъ, вѣрьте мнѣ: цѣните больше свои дарованія и благодарите природу за полученные отъ нея дары, они рѣдки и драгоцѣнны; благодарите воспитаніе за блестящій лакъ, надъ всѣмъ этимъ проведенный, и наслаждайтесь собою съ чувствомъ удовлетворенія, которое естественно испытываешь, когда видишь, что тебя цѣнятъ и судятъ по заслугамъ. Не всякому это дается; надо точно отыскать свое мѣсто, чтобы пользоваться этимъ преимуществомъ. Надо, чтобы и мѣсто, и обстоятельства соотвѣтствовали и согласовались другъ съ другомъ, а это бываетъ очень рѣдко. Все-таки мнѣ кажется, что когда сознаешь, что тебя несправедливо судятъ, что-то мѣшаетъ внутреннему удовлетворенію, потому что несправедливость всегда немного уязвляетъ, какъ бы ни былъ человекъ лишенъ самолюбія и тщеславія.

Вотъ вы и благотворительная дама; я увѣренъ, что это вамъ очаровательно пристало. Я не читаль объявленія объ этомъ учрежденіи; когда оно появилось, меня непріятно поразило въ немъ подражаніе Парижу. Но мнѣ кажется, что я былъ неправъ:—не все ли равно откуда взята мысль, лишь бы дѣлалось добро? Графиня Толстая будетъ смертельно беспокоиться, когда прочтетъ въ отчетахъ изъ арміи, какое участіе армія Бенингсена принимала въ большой битвѣ при Лейпцигѣ. Третьяго дня я ей написалъ такъ, чтобы она могла подумать, что графъ Строгановъ видѣлъ Алексѣя уже послѣ этой битвы. Я сказалъ такъ: главный штабъ въ Лейпцигѣ, откуда уже есть

письма. А кстати о письмахъ изъ главнаго штаба, спѣшу вамъ сообщить отъ княжны Туркестановой, что графъ Строгановъ видѣлъ Алексѣя и нашель, что онъ очень милъ, и что онъ писалъ о немъ много хорошаго своей женѣ. Она у меня будетъ спрашивать точныхъ подробностей и побранить меня за то, что я повѣриѣ не узналъ числа, а въ это время откроется правда, она получитъ письма отъ своего мужа и, надѣюсь, не прольетъ ни одной слезы. Я дрожу при мысли о количествѣ жертвъ, которыхъ придется оплакивать. Мы съ часу на часъ ожидаемъ писемъ отъ 24-го числа, изъ которыхъ мы можемъ многое узнать, такъ какъ приближаемся къ катастрофѣ, и каждый курьеръ можетъ намъ привезти извѣстіе о гибели Чудовища. Вандамъ думалъ вначалѣ, что ему лгутъ относительно нашихъ побѣдъ, но прочтя списокъ генераловъ, 24-го убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ подъ Лейпцигомъ, онъ сказалъ, что если все это правда, онъ не сомнѣвается, что Бонапартъ застрѣлится еще до Рейна. Да будетъ Вандамъ пророкомъ! Негодяи должны знать и понимать другъ друга, и предположеніе нашего плѣнника доставило мнѣ удовольствіе.

Не терпится мнѣ узнать объ обѣдѣ, на которомъ вы были у Маркова. Неужели г-жа Гюсъ тамъ была? Я въ восторгѣ, что дѣвочка вамъ понравилась; что касается до отца, то у него прекрасныя основы и великія достоинства, которыя, въ концѣ-концовъ, привязываютъ, потому что чѣмъ опытнѣе становишься, тѣмъ узнаешь больше, видя, что они рѣдки. Я не говорю, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ не приходилось на него жаловаться, но онъ это чувствуетъ и послѣдовательно и методично, при всякомъ удобномъ случаѣ заглаживаетъ это, никогда объ этомъ не говоря. Вы увидите все это, если мнѣ когда-нибудь удастся возстановить въ памяти ворохъ бумагъ, по моей глупости сгорѣвшихъ. Хочу надъ этимъ поработать, но этого долго ждать, потому что я 20 лѣтъ велъ дѣятельную жизнь, и въ какое время! Однимъ словомъ, я хочу побѣдить свою лѣнь, какъ она мнѣ ни дорога.

Читали ли вы въ газетахъ, что Французскіе принцы присутствовали на панихидѣ, которую служила въ Лондонѣ г-жа Моро по мужѣ? Это обстоятельство мнѣ доставило удовольствіе побѣды. Послѣдуетъ ли, наконецъ, возвратъ къ настоящимъ основнымъ началамъ, единственнѣмъ могущимъ возстановить твердый миръ, потому что они опираются на справедливости? Если земные цари хотятъ царствовать въ мирѣ, надо, чтобы они перестали освящать похищеніе престоловъ и чтобы они пользовались возвратомъ минуты своей власти и возможностью исполнять свою волю, чтобы доказать, что только сила обстоя-

тельство принудила ихъ на время покинуть домъ Бурбоновъ. Людовикъ XVIII такой же законный король Франціи, какъ Фридрихъ, король Пруссіи, и нельзя чувствовать надобности поддерживать сего послѣдняго на его тронѣ, если не вспомнить причину, которою онъ чуть было не былъ опрокинутъ. Если бы святой союзъ королевъ составился за Людовика Шестнадцатаго въ 1792 году, война ограничилась бы Франціей и не опустошала бы всю Европу въ продолженіе 20 лѣтъ. Основное начало было потеряно изъ виду, и все рухнуло. Нужны были утомленіе и отчаяніе народовъ, чтобы вернуть государей на прямую дорогу; это замѣчательная истина, о ней исторія будетъ упоминать, какъ объ одномъ изъ самыхъ необычайныхъ случаевъ, котораго свѣтъ былъ свидѣтелемъ.

Вотъ и почта, подтверждающая прекрасныя извѣстія, которыя обезпечиваютъ свободу Европы и всего свѣта. Я считаю Бонапарта безвозвратно погибшимъ и слишкомъ полною счастья, чтобы быть въ состояніи радоваться; мнѣ кажется, будто это прекрасный сонъ. Впрочемъ, среди этого счастья я немного беспокоюсь относительно васъ, дорогая княжна, и беспокойство это основано на боязни, какъ бы визитъ, сдѣланный вамъ графомъ Марковымъ, не доставилъ вамъ затрудненія. Вотъ, что онъ мнѣ объ этомъ пишетъ отъ 24-го (я описываю слово въ слово). „Вчера я былъ у княжны Туркестановой и такъ какъ она была одна, я на свободѣ поговорилъ съ ней о томъ, что вы мнѣ совѣтовали въ одномъ изъ вашихъ предшествующихъ писемъ. Мы еще очень далеки отъ того, чтобы приступить къ разрѣшенію того вопроса между всѣми, до кого онъ касается. Несмотря на то, что я, благодаря моимъ преклоннымъ лѣтамъ, очень спѣшу, я не думаю, чтобы было умно что-либо ускорять въ обстоятельствахъ, которое можетъ очень подѣйствовать на благосостояніе того, кто мнѣ дорого такъ же, какъ и той, о комъ идетъ рѣчь. Эта княжна Туркестанова дѣйствительно такая, какъ вы мнѣ ее описываете, и ее нельзя видѣть и знать безъ того, чтобы не любить и не чувствовать довѣрія“.

Онъ же.

Москва, 5 Ноября 1813 г.

Побѣда дѣлаетъ насъ совсѣмъ великодушными. Этотъ Вандамъ, котораго мы сначала считали за разбойника, вдругъ сдѣлался очень пріятнымъ человѣкомъ: съ нимъ видаются, его принимаютъ, приглашаютъ и чествуютъ. Только и говорю о томъ, что онъ сказалъ у того-то, а на другой день у другого; онъ говоритъ, какъ книга, ѣсть, какъ

голодалый, и составляетъ все удовольствія нашихъ добрыхъ Москвитянь. Меня приглашали обѣдать съ нимъ вмѣстѣ; я отказался, и признаюсь, не чувствую въ себѣ столь нѣжнаго сердца, какъ у тѣхъ, которые такъ легко прощаютъ все бѣдствія и несчастья, причиненныя этой проклятой Богомъ ордою, а къ ней Вандамъ принадлежить. Чтò я буду дѣлать рядомъ съ такимъ человѣкомъ? Слушать молча восхваленія подвиговъ его властелина; я бы не могъ. Сказать ему, что этотъ властелинъ и все служащiе ему висѣльники, было бы съ моей стороны подлостью относительно плѣнника, который не въ состоянiи отвѣтить или отомстить мнѣ. Значитъ, нужно его избѣгать, чтò я и буду старательно дѣлать. Впрочемъ, я вчера написалъ графинѣ Толстой, что если, вернувшись, она ему дастъ пообѣдать, я буду тамъ же; думаете ли, что есть вѣроятность, что я его тамъ увижу?

Четвергъ, 6 Ноября.

Вчера вечеромъ я горячо говорилъ противъ Вандама съ людьми, которые упрекаютъ меня въ оригинальничаньи по поводу того, что я отказываюсь его видѣть. Знаете ли вы, говорилъ мнѣ одинъ богачъ, что у него полмилліона годового дохода? У него было бы гораздо больше, отвѣчалъ я, если бы ему позволили дѣлать въ Россіи то же, чтò онъ дѣлалъ въ другихъ государствахъ: это богатство, добытое только преступленіемъ, въ ущербъ истиннымъ людямъ, и это въ моихъ глазахъ дѣлаетъ его въ тысячу разъ гнуснѣе. Удивительный человѣкъ! отвѣтили мнѣ, только пожимая плечами. Можно ли подумать, чтобы богатство разбойника внушало къ нему почтеніе? Не тотъ же ли онъ остается разбойникомъ, если онъ и былъ счастливъ? Пугачевъ былъ бы также очень богатъ, если бы его не удалось схватить. Нравственность нѣкоторыхъ людей поистинѣ плачевна; въ устахъ умныхъ и положительныхъ людей она была бы возмутительна, но тутъ этого нѣтъ. Вы виноваты въ томъ, что я въ дурномъ расположеніи духа и, не подозрѣвая того, вы были причиною моихъ ѣдкихъ словъ противъ Вандама.

Княжна Туркестанова.

Петербургъ, 4 Ноября 1813 г.

Не знаю, говорила ли вамъ г-жа де-Ноазевиль о выходѣ С. Сира изъ Дрездена. Говорятъ, Толстой сдѣлалъ ошибку и выпустилъ его, тогда какъ могъ бы его задержать. Одна Берлинская газета не-

много удовлетворяетъ любопытство. Эта послѣдняя намъ описываетъ позицію армій и предполагаетъ, что Бонапартъ отправился въ Парижъ и что онъ это сдѣлалъ по просьбѣ Сената. Я ничему этому не вѣрю, да и письмо, на которое ссылается, можетъ быть хитростью плута. Впрочемъ, я готова держать пари, что онъ заберетъ послѣдняго человѣка и послѣднюю копѣйку и будетъ продолжать свое чертовское дѣло. Англійскія газеты говорятъ, что Веллингтонъ пробился черезъ линію войскъ Сульта и прошелъ во Французскія владѣнія во главѣ ста десяти тысячъ человѣкъ; но до какихъ мѣстъ онъ дошелъ? Вотъ этого не говорятъ.

Кристинь.

Москва, 13 Ноября 1813 г.

Я могу повѣрить безпорядкамъ, заставившимъ Сенатъ вызвать его. Эта дура Марія-Терезія разглагольствовала какъ олухъ въ присутствіи презрѣннаго и проданнаго тирану Сената; но чтò сдѣлаютъ 280 тысячъ дѣтей, которыхъ ему отдаютъ въ жертву, если союзники будутъ согласны между собой и не будетъ ни отдыху, ни сроку. Будьте увѣрены, они ничего не сдѣлаютъ; въ основаніи каждаго отряда необходимы старые солдаты, а этого не будетъ у новой арміи. И потомъ еще посмотримъ, какъ наберутъ это новое ополченіе? Будетъ ли это безъ затрудненій, ропота и возмущеній? А мятежники будутъ имѣть поддержку въ Англійской арміи или на Рейнѣ, гдѣ постоянно будутъ находиться союзники. Мнѣ кажется, что настоящее положеніе вещей очень успокоительно. Англичане могутъ распространять во Франціи прокламаціи и открыть глаза этимъ милліонамъ преданныхъ жертвъ. Очень скоро мы увидимъ какую-нибудь перемѣну, которая произойдетъ къ великому смущенію Бонапарта; мнѣ кажется, это неизбежно.

Москва, 16 Ноября 1813 г.

Вчера и сегодня я былъ на большихъ обѣдахъ; они меня утомили. Ихъ дѣлаютъ для князя Барятинскаго, привезшаго намъ довольно красивую жену, которая, кажется, кротка, любезна и очень хорошаго общества. Что касается до него, то я его не видалъ 18 лѣтъ и съ трудомъ его узналъ, а такъ какъ я видѣлъ, что это взаимно, то и порывался ему сказать стихъ Пирона: „Парка втихомолку чертовски напряла“. Но для чего напоминать людямъ, что они были моложе и красивѣе, чѣмъ теперь? Надо обра-

щаться съ другими, какъ съ самимъ собою, воображать себя въ 50 лѣтъ такимъ, какъ былъ въ 30, и быть какъ ни въ чемъ не бывало. По правдѣ сказать, князь Барятинскій имѣеть видъ прекраснаго Клеона. Онъ проживеть зиму здѣсь; его жена Нѣмка и племянница Витгенштейна.

Сегодня вечеромъ вся Москва на представленіи у Познякова *); я вамъ говорилъ было, что также поѣду туда, но теперь мнѣ не хочется, я не нуждаюсь въ развлеченіи, остаюсь сегодня вечеромъ дома и беру ванну, чтобы уничтожить эту крапивную лихорадку, которая постоянно возвращается. Когда бываешь доволенъ, всегда хочется быть совсѣмъ здоровымъ; вотъ почему я купаюсь въ то время какъ поють Дерево Діаны на другомъ концѣ улицы.

Говорятъ о новой побѣдѣ Блюхера, ея подробнаго описанія ожидаютъ съ сегодняшней почтой.

*) Теперь на Большой Никитской.